

Размышления над новой книгой

© 2001 г.

С.Г. КИРДИНА

ПОЗВОЛЯЮТ ЛИ НОВЫЕ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ТЕОРИИ ПОНЯТЬ И ОБЪЯСНИТЬ ПРОЦЕССЫ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ?

КИРДИНА Светлана Георгиевна - кандидат экономических наук, старший научный сотрудник отдела социальных проблем Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН.

Распространение институционального подхода является сегодня характерным для большинства областей гуманитарного знания. Институты, являвшиеся ранее преимущественно объектом исследования правоведов и социологов, стали предметом экономической науки, антропологии, политологии и т.д. Сегодня наиболее активно институциональный подход развивается в социологии и экономике. Так, экономисты, неудовлетворенные объяснительными и прогностическими возможностями классического подхода, обозначаемого как "мэйнстрим", выстраивают новые институциональные концепции. Пионерами здесь выступают представители американской школы. Разработанные ими категории, понятия и теоретические схемы, принесшие лучшим представителям этого направления Нобелевские премии и признанные представителями большинства социальных наук, широко заимствуются во всем мире, в том числе и в России. Это очень напоминает ситуацию столетней давности, когда в отечественном обществоведении были популярны концепции западноевропейских ученых, и, прежде всего, теория К. Маркса. Точно также сейчас, на очередном рубеже веков наши социологи вновь обращают свои взгляды за рубеж, надеясь (найти в социальной науке западных стран методологию анализа и рецепты трансформации [происходящего в "родных пенатах". Насколько успешны ути заимствования? Позволяют ли (они продвинутся российским ученым в понимании того общества, в котором мы сейчас живем?

Поводом поразмышлять на эти темы явилась книга "Трансформация экономических институтов в постсоветской России" [1], изданная Московским общественным научным фондом (под редакцией профессора Р.М. Нуреева). Данная публикация осуществлена по итогам работы первой секции "Социально-экономические реформы 1980-90-х гг. в России и адаптация институтов и структур", работавшей в рамках Международной конференции "Российские общественные науки: новая перспектива" (г. Москва, октябрь 1999 г.). Авторский коллектив составили ученые разных поколений, которые представляют научные центры России - Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Нижнего Новгорода, Екатеринбурга, Краснодара, Рязани и Алтая. Особенностью статей является совмещение теоретических основ анализа и глубоких микроэкономических и выборочных социологических исследований. В книге даны обширная библиография и развернутые ссылки на наиболее популярные публикации российских обществоведов.

Замысел и содержание сборника, особенности авторского коллектива позволяют рассматривать работу как представительную для широкого круга современных отечественных исследований, осваивающих институциональную традицию и новейшие достижения западного институционализма. В введении изложен набор основных общепринятых теоретических идей в области институционального подхода, которые служат базой большинства проводимых российскими авторами исследований. К таким идеям относится, во-первых, само опре-

деление институтов, заимствованное из работ западных неинституционалистов - во-вторых понимание институтов как некоей внешней по отношению к экономическим процессам реальности: в-третьих, определение России как традиционного общества с неразвитыми рыночными и гражданскими институтами, что в первую очередь обеспечивает ее отставание от западных стран.

Адекватны ли эти идеи современным социологическим представлениям, насколько они справедливы и обоснованы и в какой мере применимы к анализу нашего общества?

Начну с определения понятия "институт". По этому поводу хочу вступить с Р.М. Нуреевым и теми институционалистами, точку зрения которых он транслирует, в методологическую дискуссию.

Согласно принятому в работе определению, под "институтами", вслед за Д. Нортон [2], понимаются правила игры, созданные в обществе людьми и организующие определенным образом взаимодействия между ними [1, с. 14]. Институты отделяются от организаций, поскольку последние представляют собой социальные формы, в которых часто закрепляются и реализуются, в конечном счете, те или иные институты. Организации, являющиеся продуктом деятельности институтов, обособляются от них, поскольку последние определяют правила их "поведения", как и всех других социальных субъектов. Это замечание представляется важным, поскольку позволяет аккуратнее провести анализ устройства общества. По данным положениям я готова солидаризоваться с авторами. Но есть спорный пункт в дальнейших рассуждениях. Как это часто принято, институты разделяются авторами на формальные и неформальные. Под формальными институтами понимаются "писанные" и поддерживаемые государственными органами правила поведения, а под неформальными - обычаи, традиции, привычки и т.д. Но тогда возникает закономерный вопрос: а чем тогда институты отличаются от социальных правил поведения, классификация которых, со ссылкой на работы В. Ваненберга, дается в рассматриваемой работе [1, с. 15]? В чем научная новация?

На мой взгляд, отличие современного понятия "институт" как от прежних "институций", или законов, исследовавшихся правоведами, так и от обычаев и традиций, которые устойчиво являются объектом изучения для антропологов и этнографов, состоит в следующем. Институт в его современной социологической трактовке представляет собой **нерасчленимое единство формальных и неформальных правил**. Именно те правила, которые, с одной стороны, естественно вошли в плоть и кровь социальной практики, а, с другой стороны, получили формальное воплощение - на скрижалях ли, в Своде Законов Российской Империи или в электронном виде в современной юридической практике США. - только этот "двойко воплощенный" феномен следует считать институтом, то есть элементом несущей общественной конструкции. Без него, института, невозможно функционирование общества как целостного организма. При таком понятии института, привычном для социологов, но мало известном экономистам, пусть даже и Нобелевским лауреатам, институционально исследование действительно может быть направлено на изучение сущностных свойств общества, а не на рассмотрение самых разных, порой случайных и кратковременных, явлений общественной жизни. А ведь сегодня даже известные авторитеты в области изучения институтов с легкостью говорят о том, что привычка бриться по утрам или способ завязывания галстука - это тоже общественный институт. Мне кажется, любая привычка - она и есть привычка, и не нужно нагружать ее непомерным социальным содержанием.

Почему эта скрупулезная и скучноватая, на первый взгляд, методологическая полемика представляется важной? Потому что использование нового социологического понятия означает новое видение, различение нового, ранее скрытого, неизвестного свойства предмета, реальности, и лишь в этом случае оно является дальнейшим шагом в научном познании общества. Тогда вводимое понятие позволяет прояснить то, что без его применения остается непонятым. Поэтому так важно, по-моему, глубоко разобраться, с чем же мы имеем дело, употребляя модное нынче понятие "институт". Если мы вооружились этим термином, подразумевая под ним уже известные социальные правила, если при этом мы не видим неизвестного специфического содержания, то что нового мы узнаем об окружающей нас российской действительности? Или только переиначим известные уже явления? Будем содействовать "умножению сущностей", повторим рассуждения журналистов да лишним раз блеснем научной эрудицией? Но ведь именно задачу узнавания нового о своем предмете ставит перед собой наука, не так ли?

Справедливости ради следует сказать, что понимание института как единства формальных и неформальных социальных отношений является относительно новым и пока еще

дискуссионным. Аргументами в этой дискуссии служат, прежде всего, научные результаты, получаемые сторонниками того или иного определения. Поэтому, подытоживая обсуждение данного вопроса, хочу сослаться на одну из своих последних работ [31], методология которой базируется на единстве понимания института как комплекса формальных и неформальных правил, закрепленных в исторической практике людей и постоянно воспроизводимых. Читатель сможет составить собственное мнение о том, насколько плодотворным является защищаемое мной понятие "института" как средства познания социальной реальности.

Следующая известная идея из арсенала институционалистов, определенная как одно из теоретических оснований работ, предложенных нам, - это идея о том, что институты представляют собой некую внешнюю, по отношению к изучаемым процессам, реальность. Хотя в этом вопросе у меня не сложилось полной ясности о позиции авторов по данному поводу. С одной стороны, собственно экономические институты являются объектом рассмотрения, как следует из названия книги. С другой стороны, институты, или институциональная среда, рассматриваются как нечто внешнее по отношению к экономике как таковой [см. 1, рис. 2 на с. 15; название параграфа "Институциональные предпосылки становления рыночной экономики" на с. 21]. Анализ институтов как факторов экономики характерен, прежде всего, для экономической и неинституциональной школы; ярче всего эта тенденция представлена у Д. Норта. В то же время видится продуктивным альтернативный подход, при котором сама экономика рассматривается как определенный институциональный комплекс.

Понимание хозяйственной сферы как комплекса институтов развивается в современной экономической социологии. В России это научное направление является одним из самых молодых. Начало ему положили работы Т.И. Заславской и Р.В. Рыбкиной [4]. К настоящему времени в ней уже прочно утвердился институциональный подход, о чем свидетельствуют работы В.В. Радаева [5] и О.Э. Бессоновой [6].

Рассмотрение институтов не как факторов, но как сущности социальных отношений в экономической сфере, понимание экономики как определенного институционального комплекса - такая методология в большей мере позволяет, на мой взгляд, получить содержательно новые результаты. Сошлюсь на два примера.

Применение такого подхода в исторических исследованиях предшественника современных институционалистов Карла Поланьи позволило ему сделать вывод о том, что рыночные и нерыночные институциональные комплексы являются не стадиями процесса экономического развития государств, но сосуществуют параллельно и исторически развиваются [7]. В одних типах обществ доминирует один тип экономических отношений, или институтов - это институты рынка, в другом - качественно иной, объединяющий институты редиистрибуции¹. Оба комплекса конкурентоспособны и обеспечивают выживание и развитие каждого из государств в тех конкретных природных и материально-технологических условиях, которые им даны.

Переход к рассмотрению институтов как "скелета" экономики вместо понимания их как факторов экономического развития позволяет сконцентрироваться на выявлении "несущих инструкций" современной российской экономики, а не тех элементов, которые ею постоянно отторгаются. Примером применения институционального подхода в поддерживаемой мной трактовке являются работы новосибирской экономико-социологической школы 1990-х гг. по анализу экономических институтов российского общества и их модернизации в ходе современных реформ [8, 9, 10]. В этих исследованиях удалось сформулировать новые, подчас неожиданные выводы, которые "не лежат" на поверхности, а отражают глубинные закономерности происходящих преобразований. Один из них - вывод о том, что внутренним содержанием процесса экономической трансформации в современной России является модернизация и совершенствование форм публичной собственности и связанных с нею экономических, политических и идеологических институтов, доминирующих в российском обществе на протяжении всего его исторического развития. Одновременно идет поиск новых институциональных форм, соответствующих не только базовым, но и дополнительным по отношению к ним экономическим институтам, а именно - частной собственности, конкуренции, прибыли и др. Таким образом, главной задачей современных экономических реформ выступает построение прогрессивной конфигурации обновленных институциональных форм нерыночного и рыночного характера.

---

¹ Под редиистрибуцией Поланьи понимает процессы движения товаров, услуг и экономических прав, опосредуемые Центром.

Наконец, насколько плодотворна и актуальна в научном плане третья из идей составляющих методологическую основу рассматриваемой книги, а именно представление о России как о традиционном обществе?

Определение России как традиционного общества включает в себя тезисы об отсутствии в ней политических и экономических свобод, превалировании коллективистских ценностей, связанных с доминированием патерналистских и подобных им отношений, а также признаки недостаточности уровня добровольно и спонтанно устанавливаемых между людьми связей. Такие представления являются основой модернизма и постмодернизма. Согласно им все общества располагаются на одной цивилизационной оси развития, занимая, соответственно, более или менее определенную позицию. Если принять эти тезисы как исходное методологическое положение, то Россия как традиционное общество в качестве своего будущего неизбежно имеет перспективу западных обществ с набором качественно свойственных им институтов. Соответственно, на современном этапе в стране осуществляется (или должна осуществляться) замена институтов традиционного общества институтами гражданского общества, рынка и т.д.

На мой взгляд, такое представление существенно обедняет и деформирует образ реально существующего и поступательно, на протяжении тысячелетий развивающегося российского государства. Многие исследователи согласятся с утверждением, что динамика развития любого общества обеспечивается в первую очередь не столько ломкой тех или иных устаревших форм, сколько позитивным развертыванием свойственного ему социального содержания, максимальным развитием элементов, соответствующих его природе. Сосредоточение исследований на том, с чем следует бороться - а именно это является естественным следствием представлений о России как о традиционном обществе - уводит нас от поиска тех жизнеспособных социальных институтов и категорий, которые являются наиболее важными для выживания и развития страны. Актуализируя роль социологии в ее функции социальной критики, данные представления мало способствуют выполнению ею функции социального прогнозирования и основы социального управления.

В отличие от подхода, предложенного авторами сборника, полагаю целесообразным рассматривать Россию не как традиционное общество, но как страну с **качественно иным, по сравнению с западными странами, комплексом экономических, политических и идеологических институтов** [3, 11], а также соответствующих им ценностей, общественных норм и социальных правил. Их выявление и определение направлений модернизации позволит определить резервы, источники и магистральный путь современных российских преобразований. Пример Японии, где достижения западной цивилизации сочетаются с опорой на социальные особенности японского общества, показывает перспективы такого подхода.

Так в какой же мере критически проанализированные положения современных институциональных теорий оказываются полезными для исследования российских реалий? Дают ли они достаточный научный аппарат, или мы стоим перед необходимостью дополнения институциональной методологии собственными институциональными теориями? "Покрывает ли" система категорий, предложенная западными институционалистами, поле реальной социальной практики, которая складывается в России? По-моему, нет. Позволю себе утверждение о том, что, изучая и применяя методологию институциональных исследований, предложенную североамериканскими и западноевропейскими коллегами, мы сталкиваемся с недостаточностью развиваемых ими представлений для понимания собственного общества. Книга, на мой взгляд, является красноречивым тому свидетельством. Сама структура сборника, как она сложилась у авторов, представляет собой невольное доказательство высказанного тезиса о постепенном осознании поиска собственного пути в российском обществоведении (речь в данном случае идет о первых девяти главах сборника, напрямую относящихся к обсуждаемой проблеме). Действительно, он начинается с того, что в нем приводятся известные категории институциональной теории, развиваемой западными учеными, которые авторы считают целесообразным применить к анализу трансформационных процессов в России. Прежде всего, это относится к введению. В первых шести главах излагается опыт использования заимствованных категорий институциональной теории для анализа российской реальности. Так, в первой главе анализируются особенности становления индустриальной корпоративной собственности в России, во второй и третьей - поведение промышленных предприятий при изменении параметров спроса и на рынке инвестиций, в четвертой - развитие бартера, а в пятой главе российская управленческая практика сравнивается с положениями теории корпоративных финансов. Наконец, в шестой главе речь идет о становлении институтов рынка и гражданского общества в аграрной сфере

страны. И уже в первых главах делается общий вывод о том, что совместить аналитические категории с реально наблюдаемыми процессами в полной мере не удастся. Так, констатируется, что "спектр исходной структуры корпоративной собственности в России не подходит ни к одной из двух глобальных моделей, наблюдаемых в развитых экономиках..." [1, с. 43], "наши акционерные общества являются корпоративными лишь по форме" [1, с. 88], а "для привлечения инвестиций актуальными остаются способы, не связанные с рыночными принципами..." [1, с. 93]. Далее позиция авторов становится еще более выраженной. В главе 7 уже определенно говорится о том, что в ходе трансформации возникают лишь псевдорыночные формы отношений [1, с. 147]. В главе 8 делается вывод о неадекватности трактовки свободы в ее западном понимании (как самостоятельности и независимости) широкими слоями российского общества, из чего следует вывод о необходимости разработки собственных теоретических концепций и выработки необходимых содержательных категорий для углубленного анализа процессов трансформации в России. Поэтому одним из авторов - М.А. Шабановой представлена попытка самостоятельного построения новой социологической теории свободы в меняющемся российском обществе [см. также 12]. В главе 9 аналогичный вывод сделан в отношении не только применяемой методологии, но и форм социальной практики. Так, утверждается, что "невозможно взять готовые западные модели социальной политики и применить их в России" [1, с. 187].

Особенностью российского обществоведения, в отличие от западных подходов, всегда являлись борьба с "экономическим детерминизмом" и попытки рассмотрения общества как целостного социального организма в единстве его хозяйственной, политической и культурной жизни. Авторы сборника продолжают данную традицию. Поэтому они уделяют столько внимания рассмотрению общественной идеологии, динамике индивидуальных и коллективных ценностей (глава 10), анализу социальных и психологических проблем адаптации населения к происходящим реформам (главы 11-14).

Перелистывая страницы сборника, можно видеть, что, чем глубже изучают исследователи современные российские процессы, тем более становится очевидным расхождение аналитического инструментария западных институциональных теорий с наблюдаемыми феноменами, тем более осознаются ограничения, связанные с заимствуемыми методологическими установками. Все это ставит и авторов книги, и всю российскую общественную науку, в том числе и социологическую, перед важной и актуальной задачей - опираясь на современные достижения мировой обществоведческой мысли и собственные данные эмпирических исследований, дополнить и обогатить институциональный подход самостоятельно развиваемыми научными концепциями, теориями и содержательными категориями. Материалы прочитанного сборника свидетельствуют о том, что нынешнее поколение ученых России к этому готово.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Трансформация экономических институтов в постсоветской России. (Под ред. Р.М. Нуреева). М.: Московский общественный научный фонд, 2000. 304 с.
2. Порт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. (Пер. с англ. А.Н. Нестеренко). М.: Фонд экономической книги "Начала", 1996.
3. Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. М.: ТЕИС. 2000.
4. Заславская Т.И., Рывкина Р.В. Социология экономической жизни: Очерки теории. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991.
5. Радаев В.В. Формирование новых российских рынков: транзакционные издержки, формы контроля и деловая этика. М.: Центр политических технологий, 1998.
6. Бессонова О.Э. Институты раздаточной экономики России. Ретроспективный анализ. Новосибирск: ИЭ и ООП СО РАН, 1997.
7. Polanyi K. The Livelihood of Man. New York: Academic Press, Inc, 1977.
8. Бессонова О.Э. Институциональная теория хозяйственного развития России. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1999.
9. Бессонова О.Э., Кирдина С.Г., Р.О. Салливан. Рыночный эксперимент в раздаточной экономике России. Демонстрационные проекты в жилищном хозяйстве. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1996.
10. Кирдина С.Г. Об институциональной матрице России. В сб. Эволюционная экономика и "мэйнстрим" (Под ред. акад. Л.И. Абалкина). М.: Наука, 2000.
11. Кирдина С.Г. Политические институты регионального взаимодействия: пределы трансформации // Общественные науки и современность. 1998. № 5.
12. Шабанова М.А. Образы свободы в реформируемом российском обществе // СОЦИС. 2000. № 2.